

DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-132-141

УДК 947 (470.62)

«ТАКОЕ БЫЛО ВРЕМЯ»: В.С. САВЧУК О СУДЬБАХ ИСТОРИКОВ В УСЛОВИЯХ ТОТАЛИТАРИЗМА

Мининков Николай Александрович

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия
namininkov@sfedu.ru

Аннотация. Безвременно ушедший в 2020 г. доцент ИИМО ЮФУ Вячеслав Сергеевич Савчук был известным историком-германистом и исследователем истории исторической науки. В центре его внимания была проблематика славяно-германских связей в Средние века и историографии этих связей. Особый интерес он проявлял к положению германской медиевистики в период Второй мировой войны и в послевоенный период, когда со всей остротой встал вопрос о деятельности историка во время гитлеровского режима. Он отмечал, что некоторые из историков активно сотрудничали с нацистами, а другие, не вступая в партию, не прекращали работу в научных учреждениях. Он подчеркивал, что после падения режима они вынуждены были оправдываться и заявлять: «Такое было время». Такой вопрос с неизбежностью встанет в близкой перспективе перед современными отечественными историками. Вместе с тем В.С. Савчук уделял внимание и положению в советской исторической науке. Он обращал внимание на стремление целого ряда российских историков после падения коммунистического режима приспособиться к постоянно изменявшейся ситуации в государстве. В.С. Савчук ставил вопрос о специфике исторической памяти историков и возможности при опоре на нее осуществить переход от конфронтации к диалогу культур.

Ключевые слова: В.С. Савчук, медиевистика, славяно-германские связи в Средние века, германская историография XX в., советская историография, современная российская историография, память историка.

Цитирование: Мининков Н.А. «Такое было время»: В.С. Савчук о судьбах историков в условиях тоталитаризма // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 1. С. 132–141. DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-132-141 / Mininkov N.A. "Such was the Time": V.S. Savchuk on the Fate of Historians under Totalitarianism, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 1. Pp. 132–141. DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-132-141.

© Мининков Н.А., 2023

“SUCH WAS THE TIME”: V.S. SAVCHUK ON THE FATE OF HISTORIANS UNDER TOTALITARIANISM

Mininkov Nikolay A.

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
namininkov@sfnedu.ru

Abstract. V.S. Savchuk associate professor of the IHIR SFU, who passed away prematurely in 2020, was a well-known historian, Germanist and a researcher of the history of historical science. The focus of his attention was Slavic-German relations in the Middle Ages and the historiography of these relations. He was particularly interested in the situation of German medieval studies during the Second World War and in the post-war period, when the question of the historian's activities during the Hitler regime arose with all acuteness. He notes, that some of the historians actively collaborated with the Nazis, while others, without joining the party, did not stop working in scientific institutions. He stressed that after the fall of the regime, they had to justify themselves by declaring, “such was the time”. Such a question will inevitably arise in the near future for Modern Russian historians. At the same time, V.S. Savchuk paid attention to the situation in Soviet historical science. He drew attention to the desire of a number of Russian historians after the fall of the communist regime to adapt during the constantly changing situation in the state. V.S. Savchuk raised the problem of the historical memory of historians and the possibility of relying on it to make the transition from confrontation to the dialogue of cultures.

Keywords: V.S. Savchuk, medieval studies, Slavic-German relations in the Middle Ages, German historiography of the 20th century, soviet historiography, modern Russian historiography, memory of the historian.

«Такое было время», — такими словами одного из немецких историков прошлого века завершил Вячеслав Сергеевич Савчук свой доклад об исторической науке в Германии накануне и в период Второй мировой войны. В этих словах заключалось объяснение положения науки и интеллектуалов, прежде всего гуманитарного профиля, в условиях тоталитарного режима и связанных с таким режимом условий для научной работы, когда перед исследователем вставал целый ряд ограничений политико-идеологического характера. Этот доклад В.С. Савчук сделал в ИИМО ЮФУ на одном из заседаний ростовского отделения общества интеллектуальной истории незадолго до своей безвременной кончины.

Тема места историка в обществе, значения его труда и его ответственности, научной и гражданской, социальной, постоянно волновала В.С. Савчука. В этом отношении тема истории германской исторической науки новейшего времени давала ему весьма значительный материал для размышлений. Но размышления над положением исторической науки в Германии, гуманитарная мысль которой была в какой-то степени матрицей для идей, овладевавших определенной частью российского общества, таких как романтизм, славянофильство и западничество, неоромантизм, марксизм, интересовала его не просто сама по себе. Не только как историк-профессионал, глубоко знающий фактический материал, но и как беспокойный, неравнодушный гражданин, он с неизбежностью сопоставлял свои положения и выводы, относившиеся к германской исторической науке как к объекту его изучения, с положением в отечественной исторической науке того же новейшего времени, а личность германских историков — с личностью историков отечественных. Такое сопоставление при использовании метода компаративистики выглядит убедительным. И в этой связи возникает несколько вопросов. Первый из них относится к субъективному фактору, определявшему положение историка в сложившейся объективной ситуации, а отсюда и вопрос о мере его ответственности. Как ответственности общей, гражданской, так и ответственности более частного характера, относящейся к положению исторической науки в целом в условиях установившегося в государстве режима. Как часть этого вопроса можно рассматривать выявление предпосылок и обстоятельств, вызвавших сотрудничество историков в тех или иных формах с таким режимом. Как часть, которая в свою очередь также является частью другого вопроса, более общего — о взаимоотношениях историка и власти. В том числе это относится к такому вопросу, который с неизбежностью возникал перед историками при резком изменении ситуации внутри государства и необходимости в связи с этим пересмотра своих прежних позиций и переосмысления своего положения.

Второй касается принципиального сходства германской и советской культурно-исторической ситуации, в данном случае в такой весьма существенной ее части, как положение в исторической науке и судьба самого историка. При этом, несомненно, с учетом специфики, порожденной особенностями политической ситуации, культуры и научных традиций в обоих государствах.

Третий затрагивает тему условий работы историка и влияния ситуации на его научную деятельность, связанную с особенностями проблематики, методологии

исследования и его теоретической базы, научного анализа источников, формулировки положений и выводов. Или же: каким образом влияли сложившиеся условия на характер работы историка, в какой степени она соответствовала стандартам научности своего времени?

И, наконец, все содержание книги В.С. Савчука «Память историка и судьбы интеллектуалов. Исследования, эссе, воспоминания», опубликованной в 2020 г., пронизано исключительно актуальным для современного гуманитарного знания вопросом об исторической памяти и такой существенной составляющей этого вопроса, как память самого историка. Он задавался вопросом, в чем состоит специфика памяти человека, являющегося историком по профессии [Савчук, 2020, с. 27], и пытался ответить на него на материалах своих исследований, посвященных германским и советским историкам.

Свой анализ положения в германской и в советской исторической науке рассматриваемого времени В.С. Савчук делал на основе исследования своего рода референтных групп, анализ положения которых давал репрезентативный материал для уяснения положения в профессиональном сообществе историков и шире – среди представителей гуманитарных научных дисциплин. Такой группой в качестве обобщенного объекта его исследования выступали историки Германии, занимавшиеся проблемами медиевистики. Среди них В.С. Савчук особенно выделял тех, которые рассматривали сложный комплекс проблем германско-славянских отношений в условиях раннего и классического средневековья. Другой группой были соотечественники, историки, с которыми В.С. Савчуку довелось вести совместную работу, преимущественно историки Воронежского университета, в том числе и оказавшиеся впоследствии в Москве. Это были также по преимуществу медиевисты, исследователи истории славянства, а также выдающийся историк античности А.И. Немировский. Свой сравнительный анализ В.С. Савчук провел в ряде статей о германских и советских историках, которые были им объединены в книге «Память историка и судьбы интеллектуалов», вышедшей в свет в 2020 г. Книга, все материалы которой тесно связаны единым замыслом, имеет подзаголовок «Исследования, эссе, воспоминания». Такой подзаголовок соответствует особенностям публикации. Так, в первой части, где среди германских историков рассматривается чешский специалист по истории славянства Франтишек Граус, а также поэт Стефан Георге, оказавший значительное влияние на историков, содержатся научные аналитические статьи. Во второй же части, где речь идет о советской исторической науке, наряду с научными статьями о П.Г. Виноградове и Е.В. Тарле помещена авторская мемуаристика, относящаяся к историкам, с которыми В.С. Савчук был знаком. Характер научной эссеистики автора имеют статьи из второй части: «Советская интеллигенция 20–30-х годов: формирование, самосознание, судьба» и «Портреты историков» и «портрет» науки». Избранная В.С. Савчуком структура книги была не случайна. Она позволяла автору представить анализ ситуаций в исторической науке как в рамках глубокой научной аналитики, так и с учетом человеческих отношений с целым рядом

историков, которых он хорошо знал. Обе части книги, таким образом, взаимно и весьма удачно дополняют друг друга.

Что касается первого вопроса, относящегося к взаимоотношению историка и власти, то решение его было предложено В.С. Савчуком с учетом всей сложности общественной и культурной ситуации, оказывавшей воздействие на формирование личности историка. Так, ученый обращал внимание на сочетание двух сторон, влиявших на формирование личности немецкого историка начала прошлого века. С одной стороны, это был глубокий профессионализм, заключавшийся в тщательной проработке источников, в глубине и четкости выводов, следовавших из анализа фактического материала. Вместе с тем из глубин немецкого романтизма с его особым интересом к истории и культуре народа шло такое направление исторической науки, как региональная история и историческое краеведение. От них уже, в свою очередь, шел переход к общим проблемам немецкой истории. И, в частности, к истории взаимоотношений германского и славянского мира в областях немецкой восточной колонизации, к вопросам исторической географии, особенно в контактных зонах активного взаимодействия германской и славянской культур. Такая направленность исследовательской работы в сочетании с высоким уровнем традиционной в немецкой исторической науке источниковедческой культуры предопределяли, как подчеркивал В.С. Савчук, новизну научного анализа и возникновение новых направлений. В частности, это относилось к тому, что политическая история уступала постепенно свои позиции таким новым направлениям, как хозяйственная и социальная история, как история идей и культурная история, в том числе на отдельных территориях. Отсюда значительный интерес к исследованиям немецких историков в области медиевистики.

С другой стороны, обращал внимание В.С. Савчук, сознание многих гуманитариев Германии, в том числе историков-медиевистов, формировалось в условиях окружающей весьма консервативной среды, сложившейся после германского объединения и укрепившейся накануне Первой мировой войны. В частности, как он писал, для этого было характерно глубокое их убеждение в том, что «национальное величие Германии понималось как укрепление в первую очередь ее политической и военной мощи» [Савчук, 2020, с. 80]. Это замечание нельзя не признать справедливым. В историографии неоднократно указывалось на консерватизм немецкой гуманитарной мысли в сравнении с французской. Так, еще в эпоху романтизма во Франции сформировалось либерально-буржуазное и отчасти демократическое направление в исторической науке [Ле Гофф, 2002, с. 13–15]. В Германии же, прежде всего в Пруссии, сложилась консервативная немецкая историческая школа права. Консерватизм в германской гуманитарной мысли выражался и в дальнейшем. Он нашел свое воплощение в аксиологии неокантианства с таким набором вечных и неизменных ценностей, как конфессиональные, этатистские и этнические [Могильницкий, 2001, с. 57]. То же самое — в выводе О. Шпенглера о закате Европы. Поэтому не удивительно, что консервативные основы мировоззрения присутствовали в сознании немецких историков первой половины прошлого века.

В.С. Савчук указывал на это весьма определенно. Но в то же время он обращал внимание на то, что консерватизм мировоззрения не одинаково выражался в отношении к ситуации в германском обществе в периоды между двумя мировыми войнами. Так, он отмечал, что некоторые историки нашли себя среди интеллектуалов Германии, связавших свою судьбу с гитлеровской партией. К таким историкам он отнес О. Бруннера, Т. Майера, молодого в то время В. Шлезингера [Савчук, 2020, с. 81, 133, 182], а также целую группу немецких историков, составивших в 1950 г. «Общество имени Л. Ранке» [Савчук, 2020, с. 121, 143]. При этом, по оценке В.С. Савчука, Т. Майер, например, был совершенно искренним в своей поддержке нацизма. Он «рассматривал служение политике национал-социалистического государства не как вынужденную обязанность, а, скорее, как долг истинно немецкого историка, искренне принявшего т.н. “национальную революцию”» [Савчук, 2020, с. 137]. Не приводил В.С. Савчук сведений о связи с партией Р. Кёчке. Но Р. Кёчке, по его словам, был историк, «более чем лояльно относившийся к новому режиму, и его “национально ориентированные” сочинения “пришлись ко двору” “третьего рейха”» [Савчук, 2020, с. 92]. Аналогичной была позиция Г. Геймпеля. В.С. Савчук ссылаясь на его речь в 1933 г. на форуме «Задачи духовной жизни в национал-социалистическом государстве», инициированном «“фюрером-ректором” Фрайбургского университета, знаменитым философом Мартином Хайдеггером» [Савчук, 2020, с. 157].

Однако в личности интеллектуала индивидуальное обычно берет верх над социальным и общекультурным. Так, историк Г. Аубин, как подчеркивал В.С. Савчук, при всем своем консерватизме, даже бытовом, по воспоминаниям современника, «в национал-социалистическую эпоху ... слыл за старого либерала» [Савчук, 2020, с. 116]. По существу, в позиции Г. Людата, историка славяно-германских отношений, В.С. Савчук находил целую модель оппозиционного по отношению к режиму поведения. Он остался на государственной службе и «не вступал в прямую полемику с нацистской интерпретацией европейской истории». Но при этом он «относился к той части ученых, которые не только не принимали откровенных нацистских установок, но не разделяли и более умеренные и относительно респектабельные, хотя и национально ориентированные консервативные идеи» [Савчук, 2020, с. 213].

Таким образом, как подчеркивал В.С. Савчук, среди германских историков в разной форме имело место сотрудничество с режимом. Оно было или прямым и открытым, или косвенным, даже с определенным моментом неприятия того, что нес национал-социализм, но тем не менее – при сохранении связи с академическим миром страны. С неизбежностью при этом вставал вопрос о том, как В.С. Савчук оценивал научную работу этих историков в подобных условиях. Так, он писал, что автор теории о средневековых германских «королевских свободных» Т. Майер в период нацистского режима «искусно связал ... политику за завоевание “жизненного пространства” на Востоке с традициями средневековых германских императоров» [Савчук, 2020, с. 138]. Или, по существу, стремился подвести историческое обоснование политике захвата территорий других государств – на деле обоснование

псевдоисторическое (кое на что похоже в наши дни). Согласно В.С. Савчуку, творческого роста Т. Майера за это время не было, не прослеживаются такие методологические новации, как социологический и структурный метод, психоанализ, изучение менталитета и другое [Савчук, 2020, с. 136].

Высокий уровень профессионализма, однако, позволял ряду историков даже в таких условиях сохранять глубину исторического анализа при исследовании процессов немецкого движения на Восток. Так, это выразилось в исследованиях Г. Аубина, который предложил, как отмечал В.С. Савчук, идею «целостного» изучения немецкого восточного движения» и настаивал на очень широких хронологических рамках такого движения. Они должны были охватывать период с VIII по XIX в. Соглашаясь с этой идеей и не сомневаясь в необходимости рассматривать это движение в контексте не только событийной и политической истории, но и в более широком плане, В.С. Савчук, однако, ставил под сомнение такие широкие хронологические рамки. Свое сомнение он выразил в постановке после указания такой датировки восклицательного знака в скобках [Савчук, 2020, с. 115]. Действительно, такая хронология не дает возможность учесть качественные различия в процессах, происходивших за такое длительное время к востоку от Эльбы. По оценке историков последующих поколений, которые приводил В.С. Савчук, Р. Кёчке был лучшим знатоком «восточной немецкой колонизации» и истории Саксонии и соседних территорий [Савчук, 2020, с. 93].

Не в меньшей степени В.С. Савчука интересовал вопрос о том, каким образом эти историки могли преодолевать ситуацию, возникшую для них после разгрома в Германии нацизма и тоталитаризма. Причина особого интереса связана была и с тем, что сходную ситуацию видел он и для отечественных историков, также работавших под тяжелым прессом политики и идеологии и в XX в., и в начале XXI в. Выход для ряда германских историков он видел в значимости их исследований и в способности к преодолению прошлого. В том числе это относилось к историкам, сотрудничавшим с режимом. Так, нашел себя даже бывший член партии Т. Майер, возглавивший в 1951 г. новый институт региональных исследований области Боденского озера в Констанце, который с 1960 г. стал международным исследовательским обществом средневековой истории [Савчук, 2020, с. 145]. Для другого медиевиста, Г. Геймпеля, «процесс внутреннего раскаяния был долгим и мучительным», как подчеркивал В.С. Савчук [Савчук, 2020, с. 174]. Отсюда и упомянутый им доклад 1959 г. о необходимости «преодоления прошлого». Особо привлекает из этого доклада выделенная В.С. Савчуком мысль о том, что «история должна в этом помочь, ибо она есть «преодоление прошлого»». По существу, доклад опередил свое время. В 1950-х гг. немецкое общество еще не вполне преодолело свое прошлое. И только с конца 1960-х гг., указывал В.С. Савчук, тенденция к преодолению консерватизма значительно усилилась, когда в общественную жизнь Западной Германии вошло новое поколение и стало задавать «трудные вопросы» [Савчук, 2020, с. 176].

Несомненно, что «трудные вопросы» задавались немецким интеллектуалам, пережившим режим и вторую мировую войну. Тема «преодоления прошлого» стояла в

Германии не только перед историками того времени, об этом подробно говорится в книге современного немецкого историка А. Ассман [Ассман, 2019]. Оно было весьма мучительным. Книга В.С. Савчука лишней раз дает основание задуматься об этом российским историкам, российским интеллектуалам нашего времени, задуматься об этом заставляет сам ход событий.

В этой связи В.С. Савчук ставил вопрос о специфике памяти историка не случайно. С вопросом преодоления прошлого в сознании она связана очень тесно. Основы ответа на этот вопрос давал современный немецкий историк Я. Ассман, выделявший две формы памяти – коммуникативную и культурную. Коммуникативная, или живая, память жила в сознании нескольких поколений, тогда как культурная память формируется духовной культурой общества, в том числе самими историками, как бы устанавливается сверху [Ассман, 2004, с. 58–59]. Это дает основание видеть в рассуждениях В.С. Савчука ответ на вопрос о специфике памяти историка. Определялась она тем, что историку в ходе работы приходилось идти на контакт с носителями иной исторической памяти. Тем самым возникал переход «от конфронтации к подлинному диалогу культур» Европы [Савчук, 2020, с. 31].

Тема переосмысления своего пути в науке была для В.С. Савчука близка еще и потому, что он сам на рубеже прошлого и нынешнего веков был живым свидетелем того, как шло переосмысление позиций в науке среди целого ряда наших отечественных историков. Причем не только в результате углубленного освоения методологического наследия дореволюционной отечественной и современной западной исторической науки, богатого теоретического опыта новейшей исторической мысли. В значительной мере это была конъюнктура, стремление приспособиться к новым запросам идеологии. Не только отечественные руководители, но и некоторые историки, по словам В.С. Савчука, были в середине 1980-х гг. «верными коммунистами ленинского типа». Но стали «либералами» в начале 1990-х, а уже через 10 лет оказались «убежденными консерваторами с уклоном чуть ли не в монархизм!» [Савчук, 2020, с. 136]. Таких историков было немало. Но в то же время В.С. Савчук не принимал нигилистического отношения к отечественной историографии советского периода, весьма широко распространившегося в массовом сознании, а отчасти и в сознании самих историков. По его утверждению, к концу XIX–началу XX в. русская историческая наука в полной мере стала на уровень науки зарубежной. Говоря о положении отечественной исторической науки в советское время, он отмечал, что создавались «замечательные научные труды» даже при «постоянной потенциальной угрозе, даже если не ареста, то лишения возможности заниматься любимым делом» [Савчук, 2020, с. 469].

Такая оценка положения исторической науки советского времени давалась В.С. Савчуком в пространном и глубоком анализе издания «Портреты историков. Время и судьбы». Подчеркивая важность такого издания для подведения общих итогов развития отечественной историографии, В.С. Савчук в то же время правомерно указал на некоторые задачи, которые встают перед биографикой, относящейся к историкам. Прежде всего, он указал на необходимость охвата личностей

историков, которые не только внесли достойный вклад в историческую науку, но и тех, вклад которых был не бесспорен, но деятельность которых так или иначе сказывалась на развитии науки и на судьбах историков. В этом отношении можно вполне согласиться с В.С. Савчуком. Подобный подход позволит решить такую важную задачу современной истории исторической науки, как соединение истории людей с историей идей, или научных биографий историков с анализом идей, относящихся к философии и методологии истории, к теоретическому обоснованию исторического процесса, и выведивших историю на уровень современной науки. Что же касается фундаментальной книги В.С. Савчука, то она раскрывает многие стороны, относящиеся к исторической науке и к работе историков в условиях тоталитаризма, к преодолению историками этого тяжелого наследия внутренней жизни и культуры советского и германского общества.

Труд В.С. Савчука позволяет более полно и определенно связать историю отечественной исторической науки с процессами, имевшими место в исторической науке европейских стран. В этом его значение и основание для самого глубокого интереса к нему. Уход из жизни Вячеслава Сергеевича является ударом по исторической науке не только в нашем ИИМО ЮФУ. Это уход ученого, интересного исследователя истории исторической науки новейшего времени. Вклад его в эту проблематику будет воспринят историками последующих поколений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.

Ле Гофф Ж. Средние века Мишле // Ле Гофф Ж. Другое средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. С. 13–35.

Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Курс лекций. Вып. 1. Кризис историзма. Томск: изд-во ТГУ, 2001. 177 с.

Савчук В.С. Память историка и судьбы интеллектуалов. Исследования, эссе, воспоминания. М.: Аквилон, 2020. 630 с.

REFERENCES

Assman A. *Zabvenie istorii – odershimost istoriei* [Oblivion of history – obsession with history]. Moscow: Novee literaturnoe obozrenie, 2019. 552 p. (in Russian).

Assman Ia. *Kulturnaia pamiat: Pismo, pamiat o proshlom i politicheskaiia identichnost v vysokikh kulturah drevnosti* [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow: lazyki slavianskoi kultury, 2004. 363 p. (in Russian).

Le Goff Ja. Srednie veka Mishle [Michelet's Middle Ages], in Le Goff Ja. *Drugoe srednevekovie. Vremia, trud i kultura Zapada* [Another Middle Ages: Time, Labor and Culture of the West]. Ekaterinburg: Izd-vo UrGU, 2002. Pp. 13–35 (in Russian).

Mogilnicki B.G. *Istoria istoricheskoi mysli XX veka. Kurs lekcii* [History of historical thought of the twentieth century. Lecture course]. Is. 1. Tomsk: Izd-vo TGU, 2001. 177 p. (in Russian).

Savchuk V.S. *Pamiat istorika i sudby intelektualov. Issledovania, esse, vospominania*. Moscow: Aquilon, 2020. 630 p. (in Russian).

Статья принята к публикации 18.01.2023